

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

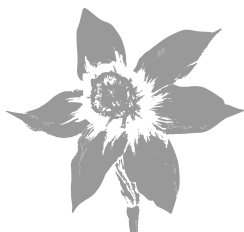
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г
Р О Й

ПАУТИНА ЛЖИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каитыкиной*

Рой, Олег.

Р65 Паутина лжи : роман / Олег Рой. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172229-6

Однажды две женщины спорили о том, кому из них принадлежит ребенок. Соломон предложил разрубить дитя пополам и поделить между несогласными.

Обманщица охотно согласилась, а мать, заплакав, сказала: «Лучше отдайте его ей живым». Правда открылась немедленно. Это было много веков назад. А предмет спора между тем не канул в Лету. Только вот нет среди нас Соломона! Александру Кравчуку пришлось пройти через горнило испытаний, чтобы доказать, что его сын — это их с Юлей ребенок.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172229-6

© О. Рой, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

*Все имена и фамилии вымышлены.
Совпадения случайны, за что автор
ответственности не несет.*

Часть I

ТРАГЕДИЯ

В большом холле клиники было на удивление светло и красиво, даже как-то празднично. Красивые картины на нежно-бежевых стенах, льющийся через большие кристально чистые окна солнечный свет, густая сочная зелень комнатных растений. Все это радовало глаз — но только не ему. Ему казалось, что он находится в темной и мрачной, полной ужаса пещере, той самой пещере из его сна. Саша стоял, прислонившись плечами к стене, и все пытался осмыслить те страшные слова, которые только что услышал от врача.

— Мой сын... — бормотал он. — Мой сын... Что с ним?

— Господин Кравчук, я вам уже в который раз говорю, — терпеливо отвечала бесцветная женщина в белом халате. — Случилось несчастье, мы еле успели...

— Мой сын... — повторял он. И с трудом, словно слова собеседницы пробивались к нему сквозь вату, слышал:

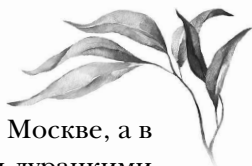
— Диагноз... Редкий случай... Медицина бессильна... Ваша жена... Теперь вне опасности... Ребенка... Не удалось... Мне очень жаль...

Западное мышление в советской стране

Дальнейшего своего разговора с врачом Саша не помнил. Не помнил и того, как покинул клинику. Просто в какой-то момент вдруг осознал, что больше не стоит в ярко освещенном больничном холле рядом с этой врачихой, как ее, Раисой Николаевной, кажется, а сидит в своем автомобиле и мчит неведомо куда, не разбирая дороги и даже толком не понимая, где находится.

Очнулся он удивительно вовремя — как раз в ту минуту, когда обнаружил, что пытается обогнать ползущий впереди микроавтобус и уже поворачивает руль, чтобы, презрев все правила безопасности движения, выехать на встречную полосу. Еще несколько секунд — и столкновение было бы неминуемо. Опомившись, Саша, конечно, тотчас отказался от смертельно опасного маневра, сбавил скорость и, продолжая тащиться за неторопливым микроавтобусом, твердо сказал себе, что за рулем ему сейчас не место. Не хватало еще угодить в аварию!

Придя к этому решению, он сразу тормознул у первого попавшегося ресторана. Судя по всему, фешенебельного, возможно, из лучших в городе, не исключено, что с отличной кухней. Однако сейчас все это было совершенно безразлично. Ступая тяжело, с трудом, точно грузный старик, Саша добрал до первого попавшегося столика, плюхнулся на стул, оттолкнул предложенное меню и потребовал водки — именно потребовал, а не заказал и не попросил. Молоденькая официантка попыталась было что-то говорить про закуски и прочие глупости, но он только отмахнулся.

Запоздало сообразив, что находится не в Москве, а в Швейцарии, где спиртное подают этими дурацкими крошечными стаканчиками, дал команду принести сразу всю бутылку. В ответ официантка только сдержанно кивнула, не позволив своему хорошенькому личику отразить удивление или недовольство таким непривычным заказом. Видимо, ресторан действительно был из респектабельных, и персонал тут был вышколен — будь здоров. Не успел Саша моргнуть, как уже подали вожделенную водку, и девушка ловко налила ее в мгновенно запотевшую рюмку. Едва дождавшись, когда она уберет руку, Саша тут же схватил ее и опрокинул в себя, выпив обжигающую прозрачную жидкость одним глотком. По телу расплылось тепло, и эта невыносимая боль, судорожным спазмом скрутившая его там, в клинике, немного отпустила. Не дожидаясь официантки, Саша сам наполнил рюмку вновь и отправил ее содержимое вслед за содержимым первой.

Стало чуть легче. «Поплачь — будет легче» — так Юля иногда говорила дочкам. Но плакать ему было нельзя. Только пить. Спиртное — это слезы по-мужски. Когда женщине плохо — она плачет, когда плохо мужчине — он пьет. И никак не иначе, ни в коем случае не наоборот. Рыдающий мужчина хуже, чем пьющая женщина. «Настоящие мужики не плачут, это стыдно и недостойно», — догма, внушаемая каждому мальчишке чуть ли не с раннего детства. И Саша Кравчук не был исключением. И отец, и дед всегда учили его сдерживать эмоции, да и бурная юность закалила, диктовала, что если плохо, то кричи, бей, хоть разнеси все и вся вокруг, только не плачь, не проявляй слабость, иначе ею тут же воспользуются враги. Он и не проявлял слабости, не плакал никогда, уже, навер-

ное, лет тридцать с гаком, не меньше. Лишь сейчас, после сорока, Сашка вдруг начал понимать, как глупы стереотипы, как они пусты и безжалостны к людям. Именно из-за них, из-за этих идиотских предрассудков, заставляющих скрывать свои истинные чувства и тупо, как клоуны, улыбаться, что бы ни случилось, люди и превращаются в бездушные манекены...

Саша пил водку и больше всего на свете жалел об одном — что находится сейчас за тысячи километров от своего любимого пруда в Останкине. Было такое чувство, что окажись он сейчас на его берегу, на душе стало бы легче. Ведь обычно так и бывало. Еще в школе, когда их привели на экскурсию в здание музея бывшего крепостного театра, Сашка с первого взгляда влюбился в это удивительное место, где с одного берега можно было любоваться отражением в зеркале воды причудливой и изящной, точно сказочный терем, Троицкой церкви, а с другого — смотреть, высоко задирая голову, на уходящую в облака телевизионную башню. Он привык гулять здесь и всегда приходил к пруду в трудные жизненные минуты, когда нужно было принять важное решение или справиться с душевной драмой. Это теперь, когда в его жизни случилось настоящее несчастье, он осознал, какими ничтожными пустяками было все то, что раньше казалось трагедией, включая проблемы с бизнесом, оба мировых финансовых кризиса и даже реальную возможность угодить за решетку (было в его жизни и такое). Но сейчас, по сравнению со смертью так и не родившегося сына, все былые неприятности выглядели просто туфтой...

Бутылка уже опустела наполовину, водка при этом даже не успела согреться. Саша снова собственноручно наполнил рюмку, поднес ее к губам, опрокинул,

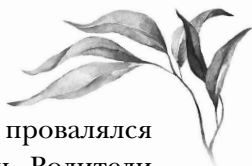

даже не замечая, что делает, и вдруг осознал: то, что произошло, — это наказание свыше. Кара небесная за все его, Александра Викторовича Кравчука, грехи. А грехов у него на счету имелось немало.

Долго он еще сидел так: пил и думал, думал, думал... В процессе брожения мыслей пришел к выводу, что судьба — это нечто вроде географической карты, которая выдается каждому человеку изначально, при рождении. А жизнь — это маршрут. Пункт назначения один-единственный, но прийти к нему можно разными тропами, что называется, импровизируй, но помни о цели. Ведь вместе с жизнью дано право выбора. Что захотите — то и выберете. *Выберете*. Какое странное слово, в нем словно спрятан иной смысл. ВЫ — БЕРЕТЕ. Да, действительно, для всех нас выбрать означает брать, заграбастать себе. Вернее, хотелось бы взять, да не всегда получается. Каждый из нас, совершая путешествие по лесу жизни с картой в руках, выбирает цветы, грибы, плоды, которыми и наполняет плетеную корзинку своей души. Только почему-то вместо красивого и вкусного в нее иногда попадают мухоморы, горсть волчьих ягод и любовно собранные букеты, цветы в которых на поверку оказываются ядовитыми. И, как ни странно, часто нам это нравится. Видно, такая особенность формируется еще в детстве — когда говорят: «Нельзя, фу, кака, брось!» — мы ОБЯЗАТЕЛЬНО это возьмем! А как же? Антиреклама — лучший способ пиара. И сколько Саша таких мухоморов набрал за свою жизнь? Страшно и подумать. Говорить правду тяжело и противно, особенно когда эту правду надо открыть не кому-нибудь, а самому себе. Своей душе, которая кривится и противится, точно отворачивается от неприятного запаха...

Саша пил водку и убеждал сам себя: да, это я во всем виноват. Я сам рассердил свою судьбу, стал превращаться в старуху из пушкинской сказки, доведшую золотую рыбку до белого каления. Ну чего мне еще не хватало, какого рожна? Ведь у меня все слава богу — прекрасная жена, двое чудеснейших детей, хорошие друзья, материальное благополучие, любимое и самое что ни на есть перспективное и доходное дело. Глядя со стороны, можно только позавидовать...

Во многом эти мысли и впрямь соответствовали действительности. Судьба на самом деле всегда была благосклонна к нему. С рождения Саша Кравчук относился к той редкой категории людей, которых называют счастливыми. Начать с того, что ему необычайно повезло с родителями: отец Саши, Виктор Анатольевич Кравчук, был специалистом по внешне-экономическим связям. По тем, советским, временам люди подобных профессий чуть ли не приравнивались к небожителям. Зарубежные командировки, да не куда-нибудь в развивающиеся африканские страны или социалистические государства, а в Западную Европу, были для Сашиных родителей обычным явлением, более того, неотъемлемой частью их жизни. Единственный сын Кравчуков появился на свет в Италии, в красивейшем старинном портовом городе Генуе. «Мы с Колумбом родились в одном городе», — хвастался всю жизнь Сашка, показывая знакомым свои детские фотографии на фоне дома великого путешественника. Там, в Италии, на берегу теплого моря, под безоблачным южным небом, среди вечной зелени, прошли первые четыре года жизни Саши. И когда настала пора возвращаться домой, в Москву, переезд чуть ли не погубил его. От резкой перемены климата мальчик захирел, стал то и дело болеть и по-

что всю свою первую московскую зиму провалялся дома с температурой под тридцать восемь. Родители и особенно дедушка с бабушкой, души не чаявшие во внуке, старались делать для него все, что могли, — но не в их силах было исполнить все желания Сашки, требовавшего то прогулки к морю, то кроваток, то жареных каштанов. А где, скажите на милость, все это взять (да еще зимой!) в Москве времен недоразвитого социализма, в которой за обычными апельсинами всегда огромная очередь, а виноград не в сезон можно купить только за бешеные деньги на Центральном рынке возле Старого цирка? Не получая желаемого, Саша страдал, хирел и чувствовал себя самым несчастным ребенком в мире.

На счастье, в этот момент в Сашкину жизнь вмешался случай в лице детского врача — мужчины еще достаточно молодого, но уже опытного. Тот посоветовал растерянным родителям прекратить кудахтать над ребенком и потакать его капризам, а как следует взяться за парня, начать закалять и увлечь чем-нибудь, самое лучшее — отдать в какую-нибудь спортивную секцию. Посоветовавшись, Кравчуки остановили свой выбор на фигурном катании. С тех пор Сашка целых три с половиной года по несколько раз в неделю ездил на тренировки на стадион «Динамо» в сопровождении бабушки, день и ночь грезившей, что ее внук со временем затмит необычайно тогда популярных в народе, особенно у прекрасной его половины, фигуристов Сергея Четверухина и Игоря Бобринина. Ничего подобного, конечно, не произошло, олимпийским чемпионом Саша Кравчук не стал, но спорт действительно пошел ему на пользу. Помимо того, что он стал крепче и здоровее, забыв о насморках и ангинах, Саша научился еще многим по-

лезным вещам, в частности, умению организовывать свое время, сосредотачиваться, преодолевать трудности и превозмогать боль. А если добавить к этому еще и пластичность и редкий для мужчины дар красиво двигаться, в том числе и в танце, можно понять, что, став взрослым, Саша ни минуты не жалел о днях, отданных спорту.

Жили Кравчуки на Ордынке, в новом элитном доме улучшенной планировки, в народе такие с иронией называли «дома развитого социализма». Публика здесь обитала вся сплошь респектабельная — и престарелый маршал Советского Союза, и главврач одного из филиалов так называемой Кремлевской больницы, и знаменитый актер Ярослав Мирский, красавец и кумир советских женщин, и несколько дипломатических работников. Среди последних был Мартин Эггер, сотрудник консульства, швейцарец, женившийся на русской женщине. С их детьми — сыном Стефаном, который был старше Саши на пару месяцев, и дочкой, младше их на три года, Иоганной, которую русские дети тут же перекрестили в Ваню, Сашка подружился уже в первый год по возвращении в Москву. Их дружба невольно прерывалась зарубежными поездками с родителями — но все школьные годы, проведенные в России, Сашка и Стефан просидели за одной партой. И хотя Саша номинально был младше своего друга, в этом дуэте он явно играл роль лидера. Характер у Стефана был мягкий, покладистый, неконфликтный, в детстве он был спокоен, сдержан и даже малость трусоват. Сашка же, наоборот, обладал нравом горячим, столкновений не только не избегал, но и сам провоцировал их и в случае чего всегда готов был постоять за себя и за друга.

14 Дрался он всегда отчаянно, как-то не по-детски же-

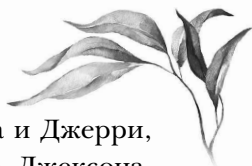

стоко, каждый раз до крови противника. За это его боялись, а страх в этом возрасте, как известно, неразрывно связан с уважением. Уже к десяти годам Сашка Кравчук был авторитетом для сверстников — и в своей спецшколе с английским уклоном, и на улице, среди ребят из соседних, неэлитных домов.

Очередная отцовская командировка в Италию вновь кардинально изменила жизнь Саши. Однако если пребывание в Генуе повлияло на его здоровье, то жизнь в Милане оказала воздействие на внутренний мир, заставив впервые задуматься над тем, как устроен мир. Тринадцать лет — это не так уж и мало, в этом возрасте человек уже многое способен понять, если, конечно, даст себе труд включить голову. Сравнивая жизнь в Советском Союзе и в Италии, задавая вопросы взрослым, вникая в их не всегда уверенные ответы и размышляя над увиденным и услышанным, Саня пришел для себя к нескольким выводам. Первый из них состоял в том, что СССР по всем статьям проигрывает Западу, второй — что причина этому кроется в социалистическом устройстве советского общества, которое, что бы ни ввали по телевизору и ни писали в газетах, во всем уступает капиталистическому. Третий же вывод сводился к тому, что он, Сашка Кравчук, волей-неволей вынужден жить в Союзе, и других вариантов у него нет. Правда, последний вывод появился не сразу, ему предшествовали длительные разговоры с отцом. Санька интересовался, почему батя не попросит политического убежища за границей и не переберется жить в Италию или какую-нибудь другую «нормальную» западную страну, ведь так делают некоторые их соотечественники. Хотя бы тот же балетный танцовщик, оставшийся в США после гастролей Большого театра,

об этом недавно столько говорили... На что Виктор Анатольевич резонно отвечал, что подобное сравнение просто неуместно. Александр Годунов — талантливый артист, а он, Виктор Кравчук, всего лишь экономист средней руки. И если первого в любой точке мира примут с распростертыми объятиями, то второй явно нигде не нужен, кроме своей родины. «Нам, сынок, не бежать из страны надо в поисках лучшей доли, а стараться сделать жизнь лучше в собственной отчизне», — поучал отец. Впоследствии Сашка много раз вспоминал эти слова и с удовольствием при случае цитировал, но на тот момент, со свойственным юному возрасту максимализмом, он понял их по-своему. И попытался, если можно так выразиться, внедрить капиталистические отношения на советскую почву. В одной, отдельно взятой судьбе.

Нетрудно догадаться, что материальное положение Саши Кравчука было значительно лучше, чем у большинства его сверстников, если не брать в расчет Стефана с Иоганной и еще нескольких ребят из их круга. Саша давно замечал, что приятели ему завидуют. Завидуют его зарубежным поездкам — еще бы, ведь две трети ребят его класса, да что там ребят, их родителей, никогда не пересекали границы СССР! Завидуют его модной, купленной в итальянских бутиках, одежде, его велосипеду последней модели, его коллекции музыкальных записей и той шикарной технике, которая имеется у них дома: японскому двухкассетнику, телефону с автоответчиком, большому телевизору и почти невероятному для того времени чуду — видеомагнитофону. И эта зависть дарила Саше сладкое ощущение власти. Он хорошо понимал, что его дружба и даже просто его внимание престижно. За возможность побывать у него дома,

посмотреть на видео мультики про Тома и Джерри, послушать записи «Оттаван» и Майкла Джексона, угоститься жвачкой и *импортной* конфетой или одолжить для дискотеки или свидания джинсы, водолазку или батник на кнопках многие ребята были готовы практически на все. И Сашка этим пользовался. Ему можно было бы вообще не делать уроки — желающих дать списать или подсказать было хоть отбавляй. Но все-таки полностью Санька Кравчук не расслаблялся, понимая, что на чужом горбу далеко не уедешь. Жить надо своей головой.

Эта самая работа головой подсказала, как в его положении можно делать деньги. А деньги лет в четырнадцать понадобились позарез — в этом возрасте Саша уже всюю интересовался девушками. Видимо, сказывались гены предков по материнской линии, играла в жилах горячая южная кровь (мамин отец был крымским греком). Обычно в таком возрасте мальчишки только видят эротические сны да хихикают на уроках над тем, что покажется им хоть намеком на сексуальную тему — а Сашка Кравчук в эти годы уже имел опыт отношений с противоположным полом. На дискотеках девчонки млели от шикарно одетого, уверенного в себе и отлично танцующего (спасибо фигурному катанию!) парня, от одного его взгляда становились в шеренгу и готовы были расчитаться на «первый-второй». Что и говорить, на внешность Саше было жаловаться грех. Высокий, плечистый, со спортивной фигурой — одним словом, типичный герой девичьих романтических грез. Была в его облике и одна деталь, буквально сводящая слабый пол с ума, — небольшой шрам над правой бровью, последствие одной жестокой детской драки, превратившийся со временем в символ надежности

и силы, умения постоять и за себя, и за даму в непредвиденных ситуациях.

Наличие дома видеомагнитофона и рассказы *о загранице* помогали проложить дорогу к сердцам самых неприступных красавиц, но Саньке это очень быстро показалось мало. Захотелось шиковать по-взрослому: катать подруг на машине, если не на собственной, то хотя бы на такси, водить по ресторанам, дарить роскошные подарки. Но как это обеспечить? Свой автомобиль (тогда у них еще были «Жигули», новенькая «семерка») отец сыну, разумеется, не доверял, хотя водить уже научил. И давать деньги свыше карманных, жалких пяти рублей в неделю категорически отказывался. «Все необходимое у тебя есть, — говорил он. — На кино и мороженое этого хватит. А на остальное ты пока не заработал». Саньку это бесило. Тем более что он вполне в состоянии был подсчитать, сколько тратят сами родители — мама только на своих портних и парикмахерш с маникюршами выкладывала не меньше трехсот рублей в месяц. Но то мама — а то сын. Как говорится, что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Саша решил, что будет делать деньги сам. И занялся тем, что во всем мире называется бизнесом, но при социалистическом режиме именовалось не иначе как фарцовкой или спекуляцией.

Начал он по мелочи — со жвачки, которую родители целыми упаковками покупали ему в продуктовой «Березке», с конфет и шоколадок. Дело пошло на ура — спрос значительно превысил предложение. Из очередной зарубежной поездки, которая подвернулась как нельзя вовремя, Саня уже приехал, изрядно подготовившись — привез на продажу и сигареты, и три чемодана шмоток, и кое-что из техники.

К тому времени вокруг него в Москве уже сколотилась маленькая банда, точнее, не то чтобы банда, но крепкая компания из сверстников и ребят помладше, которые изо всех сил старались держаться Сашки, буквально заглядывали ему в рот и охотно выполняли все его поручения. Сам Санька уже не бегал, пристраивая «товар», — этим занимались помощники. Он общался с людьми гораздо старше себя, среди которых были и несколько криминальных авторитетов района, отсидевших сроки на зоне, и «солидные люди» — из спекулянтов среднего масштаба. Обращались они с ним почти как с равным. Еще бы, ведь к моменту окончания школы Сашка уже ворочал немалыми суммами в рублях и имел дело не только с джинсами и кассетами, но и с антиквариатом, и с валютой, имел и собственных поставщиков, и обширный рынок сбыта. Дела шли успешно — как оказалось, Санька с малых лет проявлял себя как настоящий бизнесмен.

Родители о его заработках ничего не знали. Из постоянных бесед и дискуссий с отцом Саша давно уяснил, что хотя батя и разделяет его мнение о преимуществах капиталистической политэкономии перед социалистической — но только в теории. На деле же ни папа, ни тем более мама бизнеса сына явно не одобряют. Так что дела свои приходилось делать втайне от них — и долгое время это удавалось. А вот лучший друг Стефан был в курсе и горячо осуждал Сашу.

— Алекс, ты подвергаешь себя опасности! — постоянно твердил он.

— Да ладно! — возражал Санька. — Я просто делаю свой бизнес, что в этом такого? Весь мир этим занимается.

— Весь мир — может быть, — не унимался Стефан, — но в этой стране такое запрещено. Мы не

в Швейцарии и не в Италии, а в Советском Союзе. Здесь спекуляция уголовно наказуема. Ты же не хочешь сесть в тюрьму?

— Не ссы! — нарочито беспечно отмахивался Саша. — Прорвемся. — Доставал из тайника несколько купюр и отправлялся на свидание к очередной пассии, которые у него очень быстро менялись. Даже не замечая, каким взглядом его провожают вслед из окна... Взгляд этот принадлежал Иоганне Эггер. Ваня была без памяти влюблена в Сашу — но он долгое время об этом даже не догадывался.

А меж тем предсказания Стефана чуть было не сбылись. Саша уже заканчивал школу и готовился к выпускным экзаменам, когда его вдруг вызвали повесткой в милицию. Выяснилось, что один из его взрослых «партнеров по бизнесу» погорел на очередной спекуляции и, стараясь смягчить свою участь добровольным признанием и сотрудничеством со следствием, сдал властям все явки, пароли и имена — включая и имя Александра Кравчука. Тогда, наверное, впервые в жизни Сашка испугался по-настоящему. И не один час провел на берегу любимого пруда в Останкине, размышляя, что делать дальше. Вокруг все цвело и благоухало, весело щебетали птицы, небо, отражавшееся в зеркальной глади, было безупречно-голубым — но Сане было не до весенних красот природы. Он думал о том, насколько все это неправильно... Живи он в другой стране, то с его предприимчивостью и ловкостью уже давно стал бы миллионером и уважаемым человеком — а тут, на родине, за все свои таланты он имеет лишь жалкие копейки и реальный шанс угодить на зону. И думать сейчас ему надо не о том, как несправедливо устроен мир, а о том, что делать, чтобы, как выражались в лю-

бимых им американских боевиках, спасти свою задницу. Выход нашелся только один — обратиться за помощью к отцу. Так Саня и поступил, предварительно очень тщательно продумав собственную, почти безобидную версию событий. Дома, конечно, разразился скандал, отец орал, мама литрами пила валокордин, Саня клялся и божился, что больше никогда... В итоге все обошлось. Сработали и отцовские связи, и деньги, и тот факт, что Сашка был еще несовершеннолетним. В результате всего этого Александр Кравчук прошел по делу о спекуляции только как свидетель, а не как обвиняемый. От «бизнеса» он тогда с испугу отказался — но, как показало время, ненадолго. Очень скоро обстановка в стране изменилась — и это дало право Саше впоследствии почти серьезно утверждать, что эти перемены произошли в том числе благодаря и ему. Это заслуга именно таких людей, как он, людей «с западным мышлением», бизнесменов и предпринимателей. Не будь их, Россия до сих пор бы еще прозябала в нищем социализме.

Тот самый год, 1985-й, в котором впервые прозвучало слово «перестройка», стал годом значительных перемен и для Саши. Он долго не мог выбрать, в какой вуз подать документы, потому что отец советовал Плехановский, где у него была мощная «поддержка», а мама настаивала на МГИМО, поскольку мечтала о карьере дипломата для сына. В результате Саня остановился на варианте «не вашим, не нашим» — выбрал факультет экономики и права в Университете дружбы народов, где нашлись знакомые и у отца, и у матери.

У Стефана, который на тот момент жил в Швейцарии, мелькнула мысль поступать в российский вуз вместе с другом, но все вокруг отговаривали его от

этого опрометчивого шага и в конце концов отговорили. В итоге Стефан остался на родине получать более престижное европейское образование, а Ваня с родителями снова приехала в Москву — и только теперь, с большим опозданием, Саша обратил наконец внимание на ее чувства к нему. Как-то так незаметно случилось, что за время очередной поездки семьи в Швейцарию девочка резко подросла и из надоедливой козявки, хвостом ходившей за братом и его другом, куда бы те ни направлялись, превратилась в красивую девушку с длинными, ниже пикантной округлой попки, светлыми волосами, голубыми глазами и матовой кожей, делавшей ее похожей на немецкую фарфоровую статуэтку. Страсть вспыхнула мгновенно, все другие пассии были вмиг и окончательно забыты. Решив, что впервые в жизни влюбился по-настоящему, Саня едва дождался восемнадцатилетия Иоганны и уже на праздновании ее дня рождения сделал предложение руки и сердца. Которое, разумеется, было с восторгом ею принято. Сыграли шикарную свадьбу на двести человек гостей в одном из недавно открывшихся кооперативных ресторанов. В качестве свадебного подарка молодожены получили от родителей невесты серебристую «Тойоту», а от родителей жениха — двухкомнатную квартиру в Крылатском. Правда, в ней они не прожили и года — едва защитив диплом, Саша тотчас уехал с молодой женой к ней на родину, в большой уютный дом Эггеров в десяти километрах от города Лугано. Да и странно было бы не воспользоваться такой возможностью. На тот момент возможность жизни в России Саша даже не рассматривал. Что ему делать тут, в этом «совке», с его-то предприимчивостью и прочими незаурядными деловыми качествами? Зато

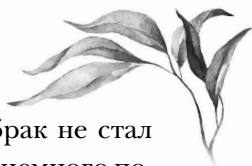

на Западе он тотчас почувствовал себя как рыба в воде. Перед ним открывалось множество путей, масса возможностей — оставалось только выбрать.

В то время Саше казалось, что он может горы свернуть — и действительно, все задуманное удавалось. Некоторое время он вел (и довольно успешно) небольшой бизнес в Швейцарии, держал свое кафе. А потом пришла в голову смелая мысль заняться внешней торговлей. А почему бы и нет? Ситуация в России кардинально изменилась, и то, за что Сашка всего каких-то несколько лет назад чуть не угодил за решетку, теперь было не только разрешено, но и повсеместно распространено; бизнесом или хотя бы пародией на него стали заниматься все, кому не лень. Конечно, Саня Кравчук, прирожденный предприниматель, не мог остаться в стороне. Вместе со Стефаном, который изучал в университете биохимию, они решили воспользоваться переменами и начать свое дело — открыть совместное швейцарско-русское предприятие. И все получилось, пусть не слишком легко и быстро, но получилось. Конечно, не последнюю роль сыграла помощь отцов с обеих сторон, но все-таки, как считал Саня, главная причина успеха крылась не в родительских деньгах, связях и советах, а в них самих. Саша и Стефан отлично дополняли друг друга, дерзкая энергия русского партнера прекрасно сочеталась с рассудительностью швейцарца. Небольшая фирма, начинавшая, как и многие компании того времени, с поставок в Россию продуктов питания, а из нее — сырья, делала успехи, росла, набирала обороты и через некоторое, не слишком продолжительное время превратилась в холдинг. За какие-то несколько лет Александр Кравчук и Стефан

Эггер сделались довольно состоятельными людьми, что, впрочем, было типично для девяностых годов. Забегая вперед, можно сказать, что их со Стефаном заслугой стало не столько создание и быстрая раскрутка компании, сколько то, что и в дальнейшем Саша сумел удержать свое детище на плаву, вовремя предчувствовать грядущие перемены, принять правильные решения и достойно пережить оба финансовых кризиса — и 1998 года, и недавний, случившийся несколько лет назад. Когда «лихие девяностые» закончились и вывоз сырья из России стал на таком уровне уже невозможен, Саша сумел вовремя сориентироваться и изменить линию работы компании. Волевым решением отсек ставшие уже ненужными направления вроде поставок в Москву кондитерки и шоколада и сосредоточился на единственном и, как потом оказалось, самом выгодном направлении — химическом. На рубеже веков в России и странах СНГ наконец-то стало возрождаться производство, и продукцию зарубежных фирм уже стало выгодно не ввозить готовой из-за границы, а производить под своей маркой на месте. Компании, создающие лекарства, продукты питания, бытовую химию и так далее, начали открывать на территории бывшего Советского Союза свои подразделения. Эти заводы и фабрики нуждались в сырье, часть которого еще не умели производить на месте — его-то и поставляла из Швейцарии фирма Александра Кравчука, вовремя успевшего занять эту нишу на рынке и теперь пожинавшего плоды своей предприимчивости.

Впрочем, как уже было сказано, изменение направления Сашиного бизнеса произошло значительно позднее, уже после его развода с Иоганной и возвращения в Москву. К сожалению, или, как потом

понял Сашка, к счастью для обоих, их брак не стал продолжительным. Когда бурная страсть немного поухнула, молодые супруги разомкнули объятия и перестали проводить в постели целые дни, Саня с удивлением обнаружил, что, кроме секса, их с Ваней ничего не связывает. Кроме обсуждения бытовой рутины да воспоминаний о совместных детских проказах, им и поговорить-то оказалось не о чем. Саша был полностью увлечен открытием и успешным стартом своей компании и готов был разглагольствовать о своем бизнесе целыми часами напролет — но Иоганна ровным счетом ничего в этом не понимала и поддерживала мужа лишь потому, что его занятие приносило деньги, которые она с удовольствием тратила. По приезде в Швейцарию Иоганна поступила на медицинский факультет, но, как наблюдал Саша, гораздо больше интересовалась студенческими вечеринками, чем учебой. Тусовки ее всегда продолжались до глубокой ночи, и на следующий день молодая жена дрыхла до полудня — а Сашу, человека занятого и к тому же стопроцентного «жаворонка» по биоритмам, такой образ жизни совершенно не устраивал. Им нравились абсолютно разные блюда, разные книги, фильмы и телепередачи, разная музыка — как правило, то, что смотрел, слушал или ел один, второй терпеть не мог. Неудивительно, что вскоре такая жизнь Саше надоела. Уже с первого года семейной жизни он не был верен своей, тогда еще любимой, супруге, так как не считал измены чем-то предосудительным, скорее, даже наоборот, видел в них проявление мужественности, нормальное поведение для представителя сильного пола. А разочаровавшись в семейной жизни, он и вовсе загулял, стараясь, конечно, чтобы жена

не узнала о его «походах налево», — но стараясь не слишком усердно. Однако шила в мешке не утаишь — очень скоро Иоганна стала догадываться о неверности мужа, терзаться подозрениями, закатывать скандалы. Саша, как многие мужчины в его положении, выбрал политику отрицания и держался стойко, как партизан на допросе. Первое время это помогало, жена верила ему, но вскоре начала сомневаться в его честности, а потом и вовсе получила недвусмысленное доказательство, застукав его с очередной любовницей у выхода из ресторана. После этого семейная жизнь, прежде напоминавшая рай (ну, может, и не рай, а первое время сразу после грехопадения, когда Адам и Ева открыли для себя радость быть мужчиной и женщиной), превратилась в ад. Бесконечные сцены ревности, упреки, ссоры и истерики быстро привели молодую семью к разводу. Конечно, Саше разрыв был крайне невыгоден — по горло занятый работой и «активным отдыхом» с другими женщинами, он не успел обзавестись ни собственным жильем в Швейцарии, ни даже гражданством и теперь вынужден был покинуть страну. Однако он смирился и с этим, справедливо рассудив, что лучше вернуться на родину, чем терпеть бесконечные скандалы. С Иоганной, которую он давно уже не любил, Саня расстался без сожалений и опасался только одного — конфликта со Стефаном. Ну как старый друг встанет на сторону сестры, сочтет себя оскорбленным и эта размолвка отразится на делах? Подобного развития событий Сане очень не хотелось. Но Стефан, пусть и не сразу, понял его и простил. Таким уж он был человеком.

Три разные женщины с одинаковыми именами

Стефан Эггер с удовольствием называл себя «русским швейцарцем». Будучи западным человеком до мозга костей, он тем не менее очень гордился тем, что в его роду были русские, причем по двум линиям сразу — не только по материнской, но и по отцовской. Прабабушка Стефана и Иоганны по отцу, Елизавета Карловна Шульце, ровесница двадцатого века, хоть и была по национальности немкой, но родилась, провела детство и окончила гимназию в Москве, где ее предки обосновались чуть ли не при Петре Великом. После Октябрьской революции, или, как теперь принято говорить, переворота 1917 года, ее родители, зажиточные фабриканты, поспешно перебрались в Европу, немного поскитались по ней и в конце концов прочно обосновались в Швейцарии. Там Лизхен вышла замуж за состоятельного человека и зажила, не зная горя, но память о стране своей юности сохранила навсегда, хотя и понимала прекрасно, что, останься она в России, ее судьба уж точно не была бы такой безоблачной. А здесь, на юге Швейцарии, у самой границы с Италией, в солнечном курортном городе Лугано единственной большой заботой в жизни Елизаветы стала дочь. В восемнадцать лет девушка влюбилась в непризнанного художника-абстракциониста, который тотчас бросил свою подругу, узнав, что она ждет ребенка. Елизавета, как могла, утешила рыдающую дочь, запретила и думать об аборте и, когда на свет появился Мартин, сама взялась за его воспитание, предоставив дочке возможность спокойно заниматься собой и устраивать личную жизнь.

Так и вышло, что бабушка Лизхен, как он ее называл, стала для Мартина самым родным человеком в жизни — ближе матери, ближе всех трех отчимов, сменившихся в течение его жизни, и уж тем более ближе отца, которого он так никогда и не увидел. В детстве Мартин очень много времени проводил с бабушкой и больше всего на свете любил рассказы о ее юности, протекавшей, как уже было сказано, в России. Именно бабушка Лизхен выучила внука русскому языку и привила ему любовь к русской культуре, в частности, к литературе. К ее удовольствию, Мартин не только зачитывался прозой и поэзией, но и сам в юности пробовал сочинять по-русски стихи, по мнению Елизаветы — очень недурные. Став взрослым, будущий отец Стефана избрал дипломатическую карьеру, и никого особенно не удивило, что специализироваться он стал именно на отношениях с Советским Союзом.

Еще будучи студентом, Мартин решил навестить страну своих грез и отправился в туристическую поездку по СССР. Тогда его очаровало все — березовые леса, бескрайние просторы, сказочная красота старинных церквей и русские девушки... Особенно одна, высокая статная шатенка с завораживающим грудным голосом, которая была гидом их группы. Девушку звали Наташей, как жену Пушкина и героиню Толстого, — одно это, по мнению романтически настроенного юноши, заслуживало пристального внимания. Три дня Мартин не сводил с Наташи восхищенных глаз, впитывая, как губка, каждое ее слово. А на четвертый во время прогулки на теплоходе проказник речной ветер растрепал высокую прическу Наташи, бросив тяжелые шелковистые волосы прямо на лицо Мартина — и этого пустячного эпи-

зода оказалось достаточно, чтобы молодой человек почувствовал себя по уши влюбленным. Он дал себе слово, что вернется в Россию и обязательно разыщет Наташу.

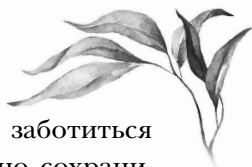
Вернуться довелось скоро, уже через несколько лет. По окончании обучения в университете Мартин был командирован в Москву, где получил скромную должность в консульстве. Жизнь в России, точнее, в СССР, уже не казалась ему столь прекрасной, как во время первого визита, но дело есть дело, а выполнять должным образом свои обязанности бабушка Лизхен учила внука не менее настойчиво, чем обучала русскому языку. Так или иначе, Мартин прижился в Москве, обзавелся знакомыми и даже приятелями и чувствовал себя если не счастливо, то более или менее благополучно.

Однажды он ужинал с одним из знакомых в ресторане гостиницы «Националь» и вдруг услышал за спиной низкий мелодичный женский голос, показавшийся смутно знакомым, и от этого ощущения вдруг отчего-то защемило в груди. Мартин обернулся — и сразу узнал Наташу. Ту самую Наташу, чьи развевающиеся по ветру волосы он столько раз видел во сне. Она ничуть не изменилась, все так же работала с группами интуристов, и даже это голубое мини-платье из синтетики он видел на ней четыре года назад. Ни минуты не раздумывая, Мартин торопливо извинился перед приятелем, поднялся и направился к Наташе...

Им долго не удавалось получить разрешение на брак, все тянулись бесконечные проверки и сборы документов. Но Наташа справилась. Шутя, что ходит в КГБ уже регулярно, как на работу, она моталась по Москве, с кем-то встречалась, проходила

беседы, больше похожие на допросы, получала какие-то справки — и в конце концов добилась своего. Мартину оставалось только восхищаться настойчивостью и практичностью своей невесты и радоваться тому, что их международная любовь получила наконец одобрение властей. Молодожены поселились сначала в холостяцкой казенной квартире Мартина, а потом переехали в отличную четырехкомнатную на Ордынке, где быстро завоевали и навсегда сохранили репутацию прекрасной дружной семьи и произвели на свет двух отпрысков.

Обычно дети в семье «распределяются» так: девочки — «папины», а мальчики — «мамины». Однако у Эггеров все получилось с точностью до наоборот, и внешне, и по характеру каждый из детей больше походил на родителя своего пола. Иоганна (которую, как уже говорилось, русские подруги звали Ваней, и это имя со временем переключалось и в домашний обиход) взяла от отца только белокурый цвет волос, во всем же остальном была точной копией матери. Стефан же пошел в отцовскую родню: та же широкая кость, те же круглые, чуть навывкате, глаза, та же белесость — сколько раз бабушка Лизхен жаловалась на то, что, рисуя ее портрет, природа явно пожадничала и пожалела красок. Аналогичное сходство наблюдалось и в характерах: Стефан — мягкий, впечатлительный, такой же романтичный и сентиментальный, каким был и Мартин в юности (а во многом и остался), а Иоганна — решительная, волевая, целеустремленная — вся в маму. Чуть не с первых дней жизни младшая сестра командовала старшим братом. Удивительно, но трехлетнему Стефану почти не пришлось объяснять, что новорожденная сестричка требует бережного отношения к себе — он, казалось,

сам все понимал и трогательно пытался заботиться о ней. Став постарше, Иоганна все равно сохранила непоколебимую уверенность, что Стефан должен слушаться ее во всем. И тот всегда шел у нее на поводу. Бывало, они с другом Сашкой соберутся идти гулять во двор — и Ваня непременно увяжется с ними.

— Да оставь ее дома! — сердился Сашка. — Она нам только мешать будет. С ней ни в войнушку поиграть, ни в футбол погонять!

— Но как же... — виновато пожимал плечами Стефан. — Она ведь расстроится, плакать будет.

— И пускай себе. Поревет — перестанет.

— Нет, это нехорошо. Она маленькая, а маленьких обижать плохо. Я тогда тоже не пойду.

— Ну, вот еще! — фыркал Сашка.

И в итоге компания отправлялась на прогулку втроем.

Дети Эггеров с малых лет привыкли к тому, что их жизнь протекает одновременно в двух, попеременно меняющихся, странах. И если Иоганна, плохо переносившая самолет, иногда капризничала по этому поводу, то Стефана подобное положение вещей вполне устраивало. И там, и там ему было хорошо, везде находились свои плюсы, свои радости. В Швейцарии его ждал большой дом с прекрасным видом на озеро и горы, старенькая, но все еще энергичная и заботливая бабушка Лизхен, к которой мальчик был привязан не меньше, чем его отец, и любимец всей семьи — бульдог по кличке Черчилль. А в Москве были лучший друг Сашка, веселая компания приятелей и вкуснящее мороженое-эскимо за одиннадцать копеек. И зима. Хотя Швейцария и славится зимними курортами и центрами горнолыжного спорта, но все это сосредоточено в основном в Альпах — а в Альпы

их семья выезжала редко. Жили Эггеры на самой границе с Италией, в раю, с нежарким летом и теплой зимой. Даже в Рождество столбик термометра тут обычно не опускался ниже плюс пяти градусов, а снег был большой редкостью. И потому Стефану очень нравилась русская зима. Нравились морозы, от которых он нисколько не страдал, потому что родители одевали их с сестрой в теплые и яркие горнолыжные комбинезоны и куртки, очень удобные для игр в снежки и катания с ледяных горок. Нравились сугробы, в которые так весело и мягко было падать с разбега, нравились метели и медленно парящие в воздухе снежинки, нравились зимние праздники, продолжавшиеся больше трех недель, потому что вслед за швейцарским Рождеством наступал Новый год, а после него оставалось еще целых десять дней школьных каникул. Но больше всего Стефану нравился хоккей. Когда по телевизору показывали игру, например, на приз газеты «Известия», мальчика было не оторвать от экрана. В это время весь остальной мир для него переставал существовать. Однажды ему довелось оказаться на трибуне во время игры полуфинала. Чехи проигрывали, дрались яростно, били по нашим воротам, не жалея клюшек, и множество шайб тогда улетело к зрителям. Одна такая шайба досталась Стефану. Она прилетела на трибуну уже на излете, и Стефан вскочил на сиденье, подпрыгнул и достал ее в полете! Теперь изрядно побитая шайба с улыбающимся снеговиком, держащим вратарскую клюшку, навсегда поселилась на письменном столе Стефана, став своего рода талисманом. Тогда швейцарский хоккей, в том числе и клуб его родного города, еще не был в лидерах, и во время международных чемпионатов Стефан обычно болел за СССР, как и все его друзья.

И если «наши» вдруг проигрывали чехам или канадцам, то мальчик несколько дней ходил смурной, и вывести его из этой печали могло только предложение сыграть в хоккей самому. В то время в Москве чуть ли не в каждом большом дворе имелся собственный каток — огороженный деревянным забором с сеткой пятак, который дворники с приходом холодов заливали водой из шланга, превращая асфальт в ледяное зеркало. Каток был любимым местом зимних игр приятелей. До самой весны, пока лед не начинал таять, а лезвия коньков — цепляться за показавшиеся из-под него островки асфальта, мальчишки гоняли клюшками шайбу от одних криво сколоченных из фанеры ворот к другим и воображали себя знаменитыми хоккеистами. У Сашки, который отлично катался на коньках, в хоккей играть получалось лучше всего.

Не только в хоккее, во многом другом Стефан ощущал превосходство друга. Сашка был смелее, ловчее, отчаяннее, выступал заводилой всех приключений и проказ, Стефану оставалось только следовать за ним. Но, как ни странно, в его душе не было ни зависти, ни ревности. Интуитивно он понимал: все люди разные, у каждого есть свои особенности и достоинства. Да, Саша лидер и всегда в центре внимания, он, Стефан, вечно остается в тени своего друга — но это совсем не отменяет его собственных добродетелей. А их у мальчика тоже имелось немало — сдержанность, ответственность, усердие и способности сразу во многих областях знаний. В России он обучался в спецшколе, то есть к немецкому, русскому и итальянскому языкам (в Лугано в основном говорят по-итальянски), которые он знал с детства, добавился еще и английский, но и с ним Стефан справлялся весьма успешно. При этом он не был гуманитарием по скла-

ду личности, скорее естественником, любил химию, физику и биологию, но и с математикой не испытывал трудностей. Словом, учился Стефан и в русской, и в швейцарской школе почти на «отлично», только по истории у него иногда бывали четверки. Этот предмет был для него скучноват — не сам по себе, а в том виде, в каком его преподавали. Все время казалось, что школьные исторические курсы с их сухими фактами и номинальными датами какие-то выхолощенные, обезличенные, лишенные жизни. То ли дело книги! Читать Стефан очень любил, и знание языков необычайно помогало ему в этом, ведь знакомиться с классическим произведением гораздо лучше в оригинале, а не в переводе. Саша увлечения друга литературой не разделял, ему гораздо больше нравилось кино. Стефан тоже любил кинематограф, но предпочитал фильмы глубокие, заставляющие задуматься — Сашка же смотрел преимущественно приключения и боевики.

Впрочем, разногласия во вкусах не мешали их дружбе, приятелям всегда было интересно вместе. И когда подросток Сашка начал много времени проводить с девушками, Стефан в глубине души почувствовал себя покинутым. Умом он, конечно, понимал, что все происходит так, как должно быть, но в душе все-таки было немного обидно. И оттого он чуть резче, чем стоило бы, осуждал друга за легкомыслие в общении с противоположным полом. Для него Сашкин принцип «сегодня с одной, а завтра с другой, а параллельно с этими двумя еще и с третьей» был неприемлем. Стефан-подросток считал себя человеком серьезным, по пустякам не разбрасывался и ждал *настоящей любви*.

Настоящая любовь пришла к нему тоже в Москве. В шестнадцать лет, весной, в конце девятого класса. Избранницу Стефана звали редким для России тех лет именем Елизавета, но одноклассники именовали девушку не иначе, как Элис — в честь героини песни Living next door to Alice весьма популярной тогда у молодежи группы Smokie. Элис никак нельзя было назвать красавицей — из-за среднего и даже ближе к небольшому росту, плотного телосложения, коротковатых ног и курносого носа. Зато она обладала роскошной, в руку толщиной, золотисто-каштановой косой, женственной фигуркой, напоминающей песочные часы, необычайно обаятельной улыбкой и задорным смехом. А если прибавить к этому, что Элис была очень способной девочкой, великолепно писала сочинения и прочла кучу книг, о многих из которых одноклассники даже и не слышали, то совсем не покажется удивительным, что Стефан обратил внимание именно на нее. Когда она с увлечением отвечала у доски на уроке литературы или читала стихи на английском, он не сводил с нее восхищенных глаз и только недоумевал, где же был раньше — ведь они учились вместе аж с четвертого класса? Как же он раньше ее не замечал? Конечно, не все школьные годы были проведены в России, но все равно — как он, Стефан, мог не обратить внимания на Элис, когда жил в Москве? Как такую девушку вообще можно не заметить?

В школе они дружили, ходили вместе в кино, обменивались книгами и потом подолгу горячо обсуждали увиденное и прочитанное во время прогулок. Стефан иногда решался взять Элис за руку, а дважды, в большие праздники, даже отважился поцеловать ее

в щечку. Но дальше этого дело не заходило, что вызывало постоянные приступы иронии у Сашки.

— Ну что ты такой робкий? — подначивал он друга. — Будь смелее, девчонки это любят! Сделай первый шаг и увидишь — она сама упадет в твои объятия.

— А если нет? — мучился сомнениями Стефан. — Если я ей не нравлюсь?

— Ты? — недоумевал Сашка. — Да как же ты можешь не нравиться? У тебя папа швейцарец, ты из-за бугра не вылезает, вон как упакован с ног до головы! От такого ни одна девчонка не отказывается. Подари ей какую-нибудь шоколадку да шмотку импортную и посули еще — она тут же будет твоя.

— Ты что говоришь? — возмущался Стефан. — Она совсем не такая!

— Да брось ты. Все они одинаковые.

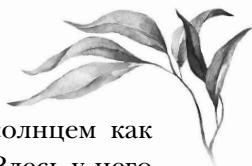
Но Стефан так и не последовал совету друга. Он решил действовать по-своему, набрался смелости, пригласил Элис на свидание, вручил букет пахучих алых пионов и, мямля и заикаясь, все-таки признался в своих чувствах. Девушка выслушала его с печальным выражением на курносом лице.

— Стефан... Ты только не обижайся... — выдавила она из себя наконец после долгой паузы. — Ты очень хороший, правда, ты мой самый хороший друг, с тобой так интересно... Но я... Я люблю другого.

— Кого? — спросил убитым голосом, заранее зная ответ. И не ошибся.

— Твоего друга. Сашу Кравчука.

Это объяснение произошло в день последнего экзамена. На выпускной вечер Стефан не пошел — в тот момент, когда в школьном актовом зале начался первый танец, его самолет уже приближался к Швейцарии.

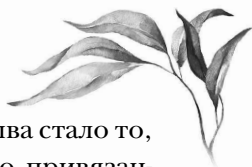
Вторая родина встретила Стефана солнцем как в прямом, так и в переносном смысле. Здесь у него все ладилось. Стефан легко сдал все необходимые для Европы экзамены, получил документ о среднем образовании, затем поступил в университет в Берне. Успешно учился, обзавелся хорошей компанией, появились друзья, девушки... Но забыть Элис никак не мог. Он знал, что, несмотря на ее чувство к Саше (чувство, которое, как выяснилось потом, она держала в тайне почти три года), у них с Сашкой ничего не было и быть не могло. Девушка, в которую влюблен друг, была для Саши табу, Стефан понимал это без всяких объяснений, и потому ему даже в голову не пришло ссориться с другом из-за Элис. Он никого ни в чем не винил и страдал молча.

Со временем боль утихла, уступив место нежной грусти. Образ Элис потускнел, но остался самым светлым воспоминанием и неразрывно был связан в сознании, а может быть, в подсознании Стефана с юностью, проведенной в России. Юностью, которая, в свою очередь, была неразрывно связана с Москвой. Так уж мы устроены, что город, в котором мы выросли, в котором произошло формирование наших ценностей, оказывается самым любимым. В нем мы взрослеем, а значит, срастаемся с культурой, языком и манерой общения именно этого города. Характер родины накладывает отпечаток на характер личности. И мы привязываемся к городу, как к человеку, его уголки становятся нам родными, точно близкие люди — улицы, парки, дома, кафе, памятники, лавочки... У каждого из нас хранится в душе такая коллекция воспоминаний, и у Стефана, унаследовавшего от отца и прабабки Лизхен сентиментальность, такая «московская коллекция» была весьма обширной и по-

полнялась каждый раз во время очередной поездки. А ездил он в Россию часто, этому способствовал их с Сашей бизнес.

Тому, что Сашка предложил создать совместную компанию, Стефан был рад. А вот тому, что друг женился на его сестре, — не очень. Чем старше становилась Иоганна, тем сильнее ее брат замечал, что «малышка» выросла совсем не тем человеком, каким он хотел бы ее видеть. Слишком властная, слишком меркантильная, слишком эгоистичная. Да, она действительно любила Сашку — но, по мнению Стефана, это была какая-то жесткая, неженственная любовь, в основе ее лежала не щедрость души, а желание во что бы то ни стало обладать тем, что ей захотелось иметь. Уже давно отношения брата и сестры стали натянутыми — Иоганна смотрела на Стефана свысока, считала его слабой личностью и никогда не упускала случая пошутить над его сентиментальностью, мягкостью, романтичностью. Стефан, ранимый по натуре, тяжело переносил ее шпильки и в глубине души сочувствовал другу, понимая — такая женщина не сделает своего мужа счастливым. И когда брак его сестры распался, Стефан встал на сторону Саши, сохранив с ним и дружбу, и бизнес.

У самого Стефана личная жизнь как-то не складывалась. Он слишком долго присматривался к женщинам и слишком тяжело сходился с ними. За почти двадцать лет, отделявших время окончания его учебы от женитьбы, у него было всего два длительных романа — и оба неудачные. За первой из этих женщин он ухаживал восемь лет, все не решаясь сделать ей предложение, и девушка в конце концов не выдержала и вышла замуж за другого. Со второй он даже съехался и попробовал жить вместе, но союз вскоре распался.

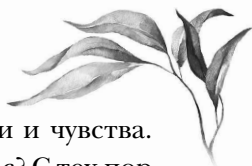
Одной из многочисленных причин разрыва стало то, что подруга не понимала и осуждала его привязанность к России, к этой, по ее мнению, отсталой тоталитарной стране.

Так продолжалось почти до его сорокалетия. За полтора года до этой весьма круглой даты, считающейся в наши дни точкой середины жизни, пиком, таким аналогом студенческого «экватора», Стефан вдруг совершенно неожиданно для всех женился. Очень быстро, почти скоропалительно. На русской девушке по имени Лиза.

Познакомились они абсолютно случайно, на вечеринке у Кравчуков, куда Лиза тоже попала по случаю, пришла за компанию с подругой. Впоследствии Стефан недоумевал, как он мог не сразу обратить на нее внимание? Конечно, он заметил ее, да такую девушку и трудно было бы не заметить: рослая, яркая и обладающая всеми глянцевыми параметрами красоты — тонкая талия, высокая грудь, ноги невероятной длины, белоснежная улыбка и роскошная грива рыжих волос. Но там, у Кравчуков, Стефан, как это принято говорить, еще не собрал Лизу в фокус. Обычно он не интересовался женщинами с броской внешностью, более того, старался держаться от них подальше. И потому, что объективно оценивал собственные внешние данные, понимая, как контрастно будет выглядеть рядом с ослепительной красоткой, и потому, что, как и большинство людей, полагал, что эффектный облик накладывает свой отпечаток и на внутренний мир человека. По мнению Стефана, красивая женщина имеет все основания высоко себя ценить — а значит, или смотрит на мир свысока, или пользуется своей внешностью для собственной выгоды, или и то и другое сразу.

Однако когда он узнал Лизу получше, она совсем не показалась ему ни заносчивой снобкой, ни хищницей, жаждущей подороже продать свою красоту. При дальнейшем общении у него быстро сложился образ скромной, не слишком уверенной в себе девушки, немного наивной, очень естественной и романтической. Он видел, что, выросшая в провинции, к тому же в бедной семье, Лиза робела перед обеспеченными москвичками, но, с точки зрения Стефана, и столичные жительницы, и его соотечественницы-швейцарки во многом проигрывали ей. Девушка не была избалована судьбой и с юности привыкла, что все достается тяжелым трудом. При этом она совсем не знала жизни — жизни с ее светлой, яркой стороны, привычной для людей, которые питаются в ресторанах, а не закупают продукты в дешевых сетевых магазинах, одеваются в бутиках, а не на рынках и отдыхают не на дачных шести сотках, а на модных курортах. Лизе было все ново, все интересно, она, как ребенок, могла радоваться самым обыкновенным вещам вроде вкусного угощения или новой кофточки. А самое главное — Лиза была способна на настоящие искренние чувства. Пообщавшись со Стефаном некоторое время, она всей душой влюбилась в него и решила сама признаться ему в любви. Да как! Написала письмо — настоящее письмо, не электронное, на бумаге, на аккуратно вырванном из тетради в клетку двойном листочке округлым, почти детским почерком.

«Вы наверное будете смеяться надо мной когда получите это письмо, — писала она. — Наверное подумаете что я глупая восторженная и старомодная дурочка. Но что мне делать если я действительно такая? Знаете мне очень трудно жить в этом мире в котором все такие испорченные и циничные и в котором для

людей важны только деньги а не имоции и чувства. И что мне делать раз я так влюбилась в Вас? С тех пор как я Вас увидела я не могу думать ни о чем другом, Вы мне каждую ночь снится и даже на работе из-за этого проблемы. Вы уж простите, что я пишу Вам об этом, но я просто больше не могу...»

«Девочка моя...» — с нежностью прошептал Стефан, прочитав письмо. Смешно сказать — дожил до сорока лет, а ни одна женщина еще ни разу в жизни не признавалась ему в любви. Тем более в письменной форме. Даже в школе он любовных записок от девчонок ни разу не получал. А тут — целое письмо в стиле пушкинской Татьяны. Стефан был так тронут, что простил Лизе и ошибку в слове «эмоции», и то, что она явно не дружила с запятыми.

Их роман развивался стремительно. Стефан был очарован Лизой, ее милыми нежными посланиями по эсэмэс, которые она постоянно слала ему, когда они не были вместе. И ему становилось смешно, когда окружающие, те же Саша со своей женой, пытались убедить его, что Лиза на самом деле совсем не тот человек, каким он себе ее представляет. Что они понимали? Кому, как не ему, было знать, какова на самом деле девушка, которую он любит и которая — в этом Стефан был уверен — без памяти любит его!

Теперь Стефан мечтал только об одном — никогда не расставаться с Лизой. Как можно скорее уладив все формальности, он, счастливый до потери рассудка, повез в Лугано свою невесту, чтобы уже в Швейцарии сделать ее женой. Впереди было только самое светлое и радостное. Стефан не сомневался, что его семья станет не менее благополучной и гармоничной, чем у Саши с его новой супругой.

ТИПИЧНОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

Отправляясь в Москву, Саша был почти на сто процентов уверен, что вскоре вернется в Швейцарию. Однако время шло, а планы не спешили осуществляться. Прежде всего, конечно, отвлекали дела. Бизнес, да еще таких масштабов, к которым стремились они со Стефаном, требовал постоянного и пристального внимания. Владелец холдинга — это вам не рантье, который положил себе в банк крупную сумму денег и живет на проценты, ничего не делая и ни о чем не заботясь. У предпринимателя все по-другому, ему приходится день и ночь работать, и работать много и тяжело, и чаще даже не только для того, чтобы получить прибыль, но просто чтобы удержаться на плаву и не обанкротиться. Недаром друзья так часто вспоминали цитату из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла: «Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте. Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее». Именно этим они и занимались. Стефан координировал работу компании в Швейцарии, Саша же вел все дела по эту сторону границы, постоянно мотался в командировки и фактически принимал все важные решения. Приходилось все время быть начеку — в той обстановке нестабильности, которая царила в стране в девяностые годы, нельзя было расслабляться ни на минуту.

Впрочем, находил он в том времени и положительную сторону — отчаянную бесшабашность. В «лихие девяностые» многие жили так, будто завтра уми-

рать (впрочем, нередко так и случалось), и потому отрывались на полную катушку. Казино, стриптизбары, ночные клубы с танцующими на столах отвязными девчонками, сауны, бордели, которым тогда не было никакой нужды маскироваться под отели и рестораны, — все это не оставалось без внимания Саши. Молодость его была бурной и веселой, а подружек имелось столько, и менялись они так часто, что он не всегда давал себе труд запомнить их имена. Родители только вздыхали, когда речь заходила о личной жизни сына. Мама постоянно заводила шарманку на тему «тебе уже скоро тридцать, пора наконец остепениться, я внуков хочу понянчить», но Саша только отшучивался, мол, нет уж, дорогие предки, я *там*, в смысле в браке, уже был, второй раз меня в семейное счастье и палкой не загонишь.

Все изменилось после того, как он встретил Юлю. Хотя на самом деле эта расхожая фраза «он встретил ее» тут не совсем уместна, потому что *встречал* Юлю Саша неоднократно. Примерно через год после возвращения из Швейцарии он купил себе хорошую квартиру в одном из новых домов на Якиманке, но бывал в ней не так уж часто — то дела и поездки по стране и за границу, то нужно было навестить родителей. Для их семьи настал тогда трудный период — отец сначала долго болел и потом скончался от инфаркта, мама захандрила, тоже обнаружила у себя целую кучу недугов, как реальных, так и мнимых, и постоянно просила сына приехать. Саша не возражал и, когда находился в Москве, старался бывать у нее если не через день, то через два-три точно.

Юлю он впервые увидел еще до смерти папы. Был вечер выходного дня, Саша отлично пообедал, был несколько навеселе и в прекрасном расположении

духа — и, разумеется, войдя в подъезд, не мог не обратить внимания на симпатичную блондинку в белой шубке, которая ожидала лифт.

— А я и не знал, что в нашем доме живут такие красотки! — кокетливо произнес он.

Однако девушка не ответила на его призыв к флирту и даже не повернулась в его сторону. Сашу это несколько задело — он не привык к подобному равнодушию, обычно женщины реагировали на него совсем иначе.

— И на каком же этаже вы живете? — продолжал настаивать он. — Я вот на четвертом, а вы?

— Я здесь не живу, — наконец соизволила ответить девушка, по-прежнему не оборачиваясь.

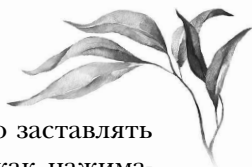
— Я так и подумал! — весело подхватил Саша, обрадовавшись, что она все-таки откликнулась. — Не может быть, чтобы вы тут жили, а я вас не знал. Значит, в гости приехали? А к кому, если не секрет?

— А вам какое дело? — не слишком вежливо, но вполне резонно ответила девушка.

Лифт, очевидно, шедший с самого верхнего этажа, наконец опустился. Незнакомка вошла в него, Саша шагнул следом.

— А хотите, я угадаю? — продолжал балагурить он. — Вы приехали навестить бабушку. Или подругу? Нет, все-таки бабушку. Наверняка ваша бабушка — такая милая добрая старушка, которая носит очки и седой пучок, печет вкусные пирожки с капустой, обожает свою внучку и целыми днями вяжет ей на спицах теплые носки и варежки. Я угадал?

— Почти, — хмыкнула девушка. — Может, вы все-таки нажмете кнопку? Или хотя бы пустите меня к панели?

— Нет-нет, что вы, я сам! Разве можно заставлять девушку делать такую тяжелую работу, как нажимание кнопки! Какой этаж у вашей бабушки?

— Седьмой.

— О, так ваша бабушка живет по соседству с Мирским! Вы хоть знаете, что в нашем доме, как раз на седьмом этаже обитает знаменитый актер Ярослав Мирский? Вам нравится Мирский?

— Нажмите кнопку, пожалуйста.

Он наконец выполнил ее просьбу. Лифт пополз вверх, и первый раз в жизни Саша был доволен тем, что он движется не так быстро. Обычно медлительность лифта в родительском доме раздражала, всегда хотелось как-то ускорить его ход, но тут задержка была только на руку. Пока ехали, Саша в упор разглядывал свою спутницу — и то, что он видел, ему очень нравилось. Девушка действительно была весьма миловидна, даже красива, но отнюдь не кукольно-глянцева красота модели из журнала, привлекательность которой на добрые девяносто процентов состоит из макияжа, силикона и прочих косметологических ухищрений. Сашина попутчица выглядела совсем иначе, в ней чувствовались индивидуальность, обаяние, шарм, в конце концов. С первого взгляда было ясно, что перед ним не какая-нибудь деревенская девица без мозгов и духовных ценностей, приехавшая в Москву за синей птицей, а личность. И, конечно, шанс знакомства с такой девушкой Саша никак не мог упустить.

— А как долго вы собираетесь пробыть у бабушки? — не отставал он. — Хотите, я вас потом провожу домой? Или мы могли бы сходить куда-нибудь...

— Нет, не могли бы, — отрезала незнакомка. — И вы приехали. Четвертый этаж. До свидания.

— Ну, как знаете, — обиделся Саша, покидая лифт. Блондинка явно задела его за живое, потому что, придя к родителям, он еще некоторое время думал о ней, а ночью увидел во сне.

Второй раз они встретились через пару недель. Саша как раз подрулил к дому на своей гордости — новеньком «Хаммере», поставил автомобиль на сигнализацию и тут увидел, что из подъезда выходит его давнишняя знакомая незнакомка в белой шубке. Он сразу узнал ее, окликнул и предложил подбросить. Саша надеялся, что блондинка не устоит перед предложением — еще бы, ведь, увидев его машину, многие девушки сразу начинали лучше относиться к ее хозяину. Но эта была не из таких. Она лишь отрицательно покачала головой и решительно, не оборачиваясь, зашагала прочь со двора. Только снег скрипел от мороза под подошвами ее сапожек. А Саша стоял как дурак и глядел ей вслед.

И подобных встреч было несколько. Прошла зима, белая шубка незнакомки сменилась на синее пальто, потом на светло-серый плащ, но сама она оставалась по-прежнему неприступной и продолжала игнорировать все Сашины попытки установить с ней контакт.

Однажды он приехал к маме вечером, когда уже темнело. Припарковался и уже собирался открыть входную дверь, когда та вдруг распахнулась сама, чуть не сбив его с ног, и из подъезда вылетела, не разбирая дороги, та самая блондинка. Она бежала быстро, но Саша успел заметить, что девушка явно не в себе, кажется, даже заплакана, ее плащ небрежно накинут на плечи, а сумочка расстегнута. Он вновь окликнул ее, попытался заговорить, даже рванулся следом, чтобы предупредить о сумочке — но девушка только

бросила на ходу что-то вроде «Да отвяжитесь вы от меня!» и умчалась прочь.

Пожав плечами, Саша вошел в подъезд и увидел на полу около лифта прямоугольный серебристый предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении плоской косметичкой. Однако внутри обнаружили не средства для макияжа, которые обычно таскают с собой женщины, а документы и записная книжка. Видно, девушка настолько спешила, что не заметила, как косметичка вылетела из ее раскрытой сумки. Саша заглянул в паспорт, и его догадка подтвердилась. С фотографии смотрело знакомое милое лицо в обрамлении белокурых волос. Как выяснилось из документов, принадлежали они Юлии Евгеньевне Лещенко, двадцати трех лет от роду, незамужней, не имеющей детей, урожденной москвичке, прописанной на улице Академика Арцимовича.

Документы однозначно надо было вернуть. У Саши уже возникла мысль не навещать сегодня маму, а вернуться к своему автомобилю и отправиться в Беляево, по указанному в паспорте адресу, но, пораскинув мозгами, он придумал другой, более выгодный для него вариант развития событий. Обстоятельства складывались так, что теперь он был нужен блондинке, а не она ему, — и грех было этим не воспользоваться.

Саша полистал записную книжку. Домашнего телефона Юли там не обнаружилось, зато нашлись номера нескольких ее подруг. Вот, например, Аленушка, судя по первым цифрам номера, тот же район, что и у Юли. Саша позвонил Алене, удостоверился, что они с Юлей действительно приятельствуют, рассказал о своей находке и попросил передать подруге номер его телефона. И когда та перезвонила — а куда было ей деваться? — назначил ей встречу в респектабель-

ном кафе на Новом Арбате. Куда явился подготовленным, стильно одетым и с большим шикарным букетом белых роз.

Но и в тот раз его ожидания не оправдались. На встречу Юля явилась, поблагодарила за возвращенные документы и даже цветы взяла — но не более того. От ужина и даже от кофе с пирожными категорически отказалась, выпила лишь стакан минералки без газа, просидела с Сашей не более четверти часа, еще раз сказала «спасибо» и ушла, отклонив все его просьбы «дать телефончик». Все это выглядело как решительное «нет» — но Саша Кравчук не привык получать отказы от женщин, и подобное поведение Юли его сильно раззадорило. Он был молод, горяч — и решил, что во что бы то ни стало добьется расположения этой девушки. Теперь это уже стало для него делом чести!

Для начала он сам разыскал номер ее телефона — при знании адреса это не составило особого труда, достаточно было лишь заглянуть в электронную телефонную книгу Москвы, которая имелась у него в офисе. А потом стал регулярно звонить и напоминать о себе. Понимая, что ресторанами, клубами и бутиками Юлю не прельстишь, он соблазнял ее другим — приглашал на дефицитные спектакли, на престижные концерты, шумевшие выставки, куда не так-то легко было попасть. Не скупился, билеты брал из самых дорогих, на лучшие места. Перед такими предложениями Юля не могла устоять и иногда соглашалась. Саша встречал и провожал ее, красиво ухаживал, вел светскую беседу — но дальше этого дело не шло, она по-прежнему не подпускала его к себе и упорно не желала сходитья ближе. А он, встретив подобный отпор, с каждым разом распаялся все больше и